

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

КОНДРАТЕНКО
Михаил Михайлович

**ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ МЕТЕОРОЛОГИИ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.03 — Славянские языки (южные и западные)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА — 1994

Диссертация выполнена в группе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения и балканистики РАН.

Научный руководитель — академик Н. И. Толстой.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Т. И. Вендина,

кандидат филологических наук Т. В. Невская.

Ведущее учреждение — кафедра славянской филологии
Санкт-Петербургского
государственного университета.

Защита диссертации состоится « » 1995 г.
в часов на заседании специализированного совета Д 002.97.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора фи-
лологических наук при Институте славяноведения и балканистики
РАН. Адрес Института славяноведения и балканистики: 117331,
Москва, Ленинский пр., д. 32а, корп. В.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Ин-
ститута славяноведения и балканистики.

Автореферат разослан « » 1995 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

М. И. ЕРМАКОВА.

В последнее время наблюдается подъем интереса к изучению лексической стороны славянских говоров. Реферлируемая диссертация посвящена такой важной составной части славянсу го лексического фонда, как лексика народной метеорологии. Под данной группой слов подразумеваются диалектные наименования некоторых природных явлений: атмосферных осадков /дождя, снега, града/, разновидностей снежного и ледового покрова, инея, изморози, кроме того, акустических и световых атмосферных явлений /грома, молнии, радуги/, туч и облаков, перемещения воздушных масс /ветров/.

Актуальность исследования определяется тем, что диалектные наименования природных явлений являлись предметом изучения преимущественно в региональном /чаще в рамках одного языка/ аспекте. Польская метеорлексика описана в работах В.Купишевского, болгарская - в монографии В.Косеской. Исследование чешской метеорлексики проведено И.И.Осташом, а украинской - О.А.Могилой. Объектом сопоставительного изучения чаще становились отдельные явления природы. Названиям солнечного дождя посвящены монография М.Куузи, а также статьи Э.Г.Азимова и В.В.Усачевой. Названия радуги в славянских языках описаны Н.И.Толстым. Обозначения наста стали предметом изучения Й.А.Дзэндзелевского. Однако исследованиям названий более широкого круга явлений природы, включая не только лексемы, но и составные наименования, на материале различных славянских диалектов центральных и маргинальных языковых зон Славии уделялось значительно меньше внимания.

Основными задачами настоящей работы являются следующие:

- ономастологическое описание названий природных явлений в различных славянских говорах;
- определение, во-первых, лексико-семантических групп слов, обозначающих природные явления, и специфики семантического состава семантических полей, отражающих в языковом сознании аналогичный круг реалем, в славянских говорах и, во-вторых, признаков системности в построении этих семантических полей;
- выявление основных принципов номинации в славянской диалектной лексике на примере выбранной группы слов и случаев типологического сходства принципов номинации аналогичных реалем в различных славянских говорах;
- установление случаев лексических совпадений в славянских народных названиях природных явлений.

Материалом для исследования послужили данные словарных картотек /Псковского областного словаря, Словаря брянских говоров, Словаря русских говоров Карелии, Ярославского областного словаря, архива кафедры болгарского языка Софийского университета/ и диалектных словарей, полевые материалы, собранные автором, а также монографии, статьи, диссертационные исследования, посвященные лексике народной метеорологии.

Основными методами исследования являются синхронно-описательный, сравнительно-сопоставительный и лингвогеографический.

Теоретическое значение работы заключается в рассмотрении общетеоретической проблемы принципов и способов номинации в диалектной лексике на конкретном материале.

Практическое значение работы. Результаты исследования могут быть использованы при создании диалектных словарей и атласов, а также при составлении спецкурсов по славянской диалектологии и лингвогеографии.

Апробация работы. Основные результаты диссертации были отражены в выступлениях автора на научных конференциях в ЯНПУ им.К.Д.Ушинского и на Совещаниях по Лексическому атласу русских народных говоров в Санкт-Петербурге. По теме исследования вышло восемь публикаций. Диссертация обсуждена на заседании сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики РАН 14 июня 1994 г.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из текста /151 с./, включающего в себя введение, четыре главы и заключение, а также списка литературы, список сокращений и приложений /индекс наименований, встречающихся в тексте, и семантический словарь названий природных явлений в славянских говорах/.

Содержание работы. В в е д е н и е содержит сведения об истории исследования славянской метеорологической лексики, здесь же конкретизируется круг рассматриваемых в работе проблем, обосновывается актуальность проводимого исследования, определяются его задачи, теоретическое значение и сферы практического применения.

П е р в а я г л а в а посвящена лексемам, обозначающим в славянских говорах природные явления.

Принципы номинации природного явления могут быть различными. Особый интерес вызывают такие лексемы, которые в наибольшей сте-

пени выражают определенный образ, вызываемый у человека природным явлением. В ряде случаев этот образ связан с особенностями способа проявления природной силы. Подобным образом обозначаются в славянских говорах, в частности, различные виды дождя и ветра.

Среди разновидностей дождя в славянской диалектной лексике выделяются прежде всего сильный, проливной дождь и мелкий, моросящий дождь, затяжной дождь и кратковременный дождь, дождь в солнечную погоду и дождь, сопровождаемый ветром.

В обозначениях сильного, проливного дождя выделяются лексемы, мотивированные глаголом со значением "лечь": лея в полесских и северо-западных белорусских, среднеполесских украинских говорах, leja в нижнелужицких говорах, лѣва во владими́ро-поволжских, lewa в малопольских и мазовецких, lawa в варминско-мазурских говорах, заливень в ладо́го-тихвинских, восточно- и среднеполесских украинских задѣвѣ повсеместно в белорусских говорах и др. Помимо этого распространенного принципа номинации, в названиях сильного, проливного дождя отмечены и другие принципы. Ливень может быть представлен как секущий, хлещущий дождь: slękawica, slęsca в подгальских говорах Польши, хлюща в полесских и прикарпатских украинских говорах. По воздействию на окружающую среду ливень может быть назван как замочка в среднепсковских, макун в северо-западных белорусских говорах, а по предполагаемой причине происхождения - хмаролом в гуцульских говорах.

Названия мелкого, моросящего дождя чаще всего отражают небольшой размер капель: ситова во владими́ро-поволжских, ситничек во владими́ро-поволжских и ладо́го-тихвинских, ситняк в юго-западных болгарских, дрѣбне в бойковских и гуцульских говорах. Более опосредованно с размером капель связаны такие названия моросящего дождя, как сыпун в брянских, перепрыски в южно- и севернопсковских, брызганне, брызок в восточных белорусских, brzyzówka в кашубских, попращка в родопских и юго-западных болгарских говорах; рось в восточных белорусских, стѣбек в моравских, роса повсеместно в болгарских, порос/н/ица в сербохорватских говорах.

Достаточно распространенным в географическом отношении является представление моросящего дождя как "сеющего": сейва, сявец в северо-западных белорусских, сіянец в среднеподнепровских, rosiewasz в варминско-мазурских говорах.

На воздействие, вредное или полезное, на окружающую природу

указывают такие названия морящего дождя, как gnojek в мазовецких, zgnilak в варминско-мазурских, kapusniak на пограничье во-лынских и поднестровских говоров, Karusiak повсеместно в польских, brúkevniak в кашубских говорах.

Отрицательный характер воздействия может быть положен в основу названия длительного, затяжного дождя: ржа во владими́ро-поволжских, гнїй в во-лынских говорах. Длительное выпадение дождевых осадков может обозначаться по его "мочащему, увлажняющему" воздействию: замока во владими́ро-поволжских, мокруша в севернопсковских, мокреда в ладо-го-тихвинских, моча в восточных белорусских и среднепо-лесских украинских, моква в степных, среднепо-лесских украинских, среднеподнепровских, во-лынских, подольских и шоква в малопольских, моква в кашубских говорах и др. На длительность дождя может указывать время его выпадения: суточник во владими́ро-поволжских, trydniówka /от: три дня/ в мазовецких, tygodniówka /от: неделя/ в малопольских, мазовецких и севернопольских говорах.

В противоположность проливному дождю в славянской диалектной метелексике выделяется кратковременный дождь, а также дождь, идущий с перерывами. Чаще всего эти разновидности дождя обозначаются как нечто проходящее или прерывающееся: в значении "кратковременный дождь" - перевалка во владими́ро-поволжских, перелётка в севернопсковских, přerivk в кашубских; в значении "дождь, идущий с перерывами" - перемачка в брянских, прэрва в северо-западных белорусских, přeradařica в кашубских говорах.

Дождь в солнечную погоду часто о значается по его положительному, согласно народным поверьям, воздействию на рост грибов: грибник во владими́ро-поволжских, всех псковских и грибнїк в северо-западных белорусских, грибовик во владими́ро-ново-лынских, брянских, грибавїк в северо-западных белорусских говорах. В ряде случаев названия грибного дождя отражают его отрицательные последствия: сеногной во владими́ро-поволжских и всех псковских, руда /т.е. ржавчина/ в гуцульских, покútских и закарпатских, гуда в некоторых польских и чешских говорах. На солнечную погоду и соответствующее ей испарение указывают следующие лексемы: припарок в брянских, гуцульских, поднестровских, припарипа в юго-западных болгарских говорах. Из эмоциональных названий грибного дождя отметим сушидо /ироничн./ во владими́ро-поволжских гово-

рах.

В названиях ветра чаще всего в славянской диалектной лексике выделяются сильный ветер и слабый ветер, ветер с определенным направлением, ветер, дующий в определенное время года, круговое движение ветра, ветер во время снегопада.

Сильный ветер, с точки зрения внутренней формы лексемы, может быть некоей ломающей, валяющей, сокрушающей силой: листодрёр во владими́ро-пово́лжских, ветролом в брянских, средне- и северо-поковских, лістабой в северо-западных белорусских, dvola в чешских говорах. Как метущий, колодий, как веник, представлен сильный ветер лексемами motla в кашубских и венічнік в северо-западных белорусских говорах. Тема быстроты перемещения воздушных масс отражена в названиях помча в полесских белорусских и bštrose в кашубских говорах.

Другую значительную группу составляют лексемы, называющие равновидности ветра по его направлению. Эта группа отличается особым своеобразием принципов номинации по сравнению с лексемами литературного языка. Свообразие заключается, например, в том, что в диалектах названия ветра, дующего в северном, южном, западном или восточном направлении, даются по иным, менее отвлеченным ориентирам. Так, в гуцульских говорах южный ветер имеет название підсонечнік.

Как проясняющий погоду назван северный холодный ветер в балканских и юго-западных болгарских говорах - яснец /сходным образом назван западный ветер в восточнофракийских и южный ветер в восточнофракийских и северо-западных болгарских говорах - юник/. Названия северного ветра могут быть мотивированы и приносимой им холодной погодой: стужай во владими́ро-пово́лжских, студењ в среднеполесских украинских, studenec в сербскохорватских говорах. Южный ветер может обозначаться по отсутствующей ему теплой погоде: теплун в среднеполесских украинских, топляк в мизийских, valić в сербскохорватских говорах /в северопоковских говорах лексема топляк имеет значение "восточный ветер"/.

Южный ветер, кроме того, в ряде случаев получает наименование по воздействию на некоторые объекты природы: снегоед в рупских, lodilom в чешских, развигор /дора - "лес" / в балканских, юго-западных и северо-западных болгарских говорах. В некоторых южнославянских говорах южный ветер представлен как сжигающий

постройки: наликолиба в северо-западных болгарских и наликуба в сербскохорватских.

В южнославянских и севернорусских говорах внутренняя форма лексем, обозначающих южный и некоторые другие ветры, может указывать на их отрицательное воздействие на животных: водкоед "южный ветер" в средненеполевских, водкодав, водкорез "северо-восточный ветер" в севернорусских, косодег "южный или восточный ветер" в юго-западных болгарских, дерибивола "юго-восточный ветер" в балканских говорах.

Название ветра определенного направления может быть мотивировано временем года: летник "южный ветер" в ладого-тихвинских, вешник "северо-восточный ветер" в средненеполевских говорах. Названия ветров, дующих в определенное время года, образуют отдельную группу: осеник в среднеполевских украинских и жэнік в кашубских говорах в значении "ветер, дующий осенью", весник на Покошчине и в полевских белорусских, podlatnik в кашубских, пролетник в северо-западных болгарских говорах в значении "ветер, дующий весной".

В названиях снегопада, сопровождаемого ветром, можно выделить несколько типов наименования в зависимости от того, каким действием ветра мотивировано все наименование: драть: дѣра, деруха во владими́ро-поволжских и dřeni, dřeniča в моравских говорах; дуть: дуйка во владими́ро-поволжских, полевских и восточных белорусских, бойковских и dujawa в малопольских говорах; веять: вѣд в средненеполевских, полевских и восточных белорусских, vijs в кашубских, vějanek в чешских вѣвице в рутенских и юго-западных болгарских, zawieja повсеместно в польских говорах и др.; мети: метель в южно- и севернорусских, менель в полевских белорусских, мицель в северо-западных белорусских, металь в полевских украинских, среднеднепровских, волинских, буковинских, бойковских, закарпатских, metel в моравских говорах; глаголом kuriti мотивированы лексемы кура в брянских, куря в восточнополевских украинских и слободских, курэ а во владими́ро-поволжских, курава в восточно- и среднеполевских украинских, слободских, волинских, подольских, гуцульских, буковинских, некутских, поднепровских, лемковских, kurjawa в малопольских, kuřava в кашубских, kurřava в словацких говорах.

Значительную часть диалектной славянской метеологикки сос-

тавляют слова, называющие то или иное природное явление на основании его сходства с какой-нибудь другой реальией. Основным семантическим признаком таких лексем является определение актуального признака характеризуемого явления через скрытое сравнение, то есть метафорически. К подобным названиям следует отнести лексемы мега "древесина сразу под корой" и "дождь со снегом" в полесских белорусских говорах, могна "сулица" и "кратковременный дождь" в чешских говорах. Наибольшее количество названий, в которых природное явление уподобляется бытовой реалии, встречается в тематических группах, связанных со снегом, тучами и облаками.

Снег, падающий крупными хлопьями, может уподобляться крупным кускам чего-либо: opłatki в мазовецких и великопольских, пърци в балканских говорах. Предметом внутреннего сравнения, кроме того, могут быть цветы /kwiaty, floki в мазовецких и великопольских, floček чешских говорах/, пух, перья /puch в силезских говорах и западных землях Польши, pięrze в силезских, велико- и малопольских, pięra в малопольских, мазовецких говорах и западных землях Польши, рога в кашубских, mazderko в моравских говорах/, а также другие реалии /например, rukawice /рукавицы/ в силезских говорах/.

Особенно много метафор используется в диалектной славянской метеолексике для обозначения туч и облаков. Помимо лексем, относящихся к "говяжьей" и другой "животной" тематике /например, быки во владими́ро-поволжских говорах/, рассматриваемых особо, следует отметить названия, распределяющиеся по тематическим группам в зависимости от объекта сравнения.

Так, различные виды облаков могут уподобляться в наименовании постройкам или поселениям: kowcolõ /костелы/ "кучевые облака" и maста /селения/ "дождевые тучи" в кашубских говорах, hrad /город/, podvaца /подкладка под домом из бревен/ "темная туча" в моравских говорах.

Метафорический характер имеют некоторые названия разновидностей льда: пасынок "льдина, оставшаяся у берега", свечка "тающая на глазах льдина" в севернопольских говорах. Зачастую подобным образом называются сосульки: swiece повсеместно в польских, awesa в кашубских, swеш в болгарских говорах, кроме северозападных; стрелка в северо-западных белорусских, strienka в словацких говорах, сугару повсеместно в польских, пишове

/пистолеты/ в северо-западных болгарских говорах.

Значение лексем, называющих природные явления, связано, как правило, с тремя типами референта: субстанцией /туча, снег/, процессом /моросит/ или состоянием /холодно, жарко/. Если значение субстанции передается обычно с помощью имени существительного, то значение процесса - с помощью глагола, а состояние атмосферы - безличными глаголами и словами категории состояния.

Глаголы не всегда являются самостоятельными наименованиями. В исследуемом материале они выступают в составе устойчивых выражений и в предикативных единицах, называющих субстанцию и ее проявление. Кроме того, встречаются такие глаголы, которые можно назвать собственно метеорологическими; они в отличие от глаголов другого типа, называемых функциональными, обладают способностью абсолютного функционирования.

Функциональные глаголы, используемые в составе метеорологических наименований /типа дождь идет/, в славянских говорах с точки зрения семантики в основном типологически адекватны, так как их употребление основано чаще всего на предметно-логических связях. Большой интерес представляют те функциональные глаголы, которые демонстрируют особую систему образов диалекта. Так, для обозначения усиления мороза в некоторых украинских говорах, например, в составе предикативных единиц используются разнообразные глаголы, создающие особую эмоциональность наименований: мороз пишчить в западнopoлесских, мороз ловить в буковинских, мороз потис в гуцульских, бойковских и буковинских говорах. При этом встречаются случаи не только типа огиической общности, но и лексических совпадений: дететь в средне- и севернopoковских говорах, leciesc в различных польских и дети в родопских, рупских и балканских говорах в значении "идти /о дожде/".

Собственно метеорологические глаголы, употребляемые в отличие от функциональных самостоятельно, содержат тем не менее указание на субстанцию либо за счет корневой морфемы /например, в значении "покрыться настом": занаститься во владимиристовопольских, засеренеть в брянских, засранець в северо-западных белорусских говорах/, либо за счет устойчивой ассоциативной связи формально выраженной семы, обозначающей процесс, и подразумеваемой, а потому формально не выраженной семы, обозначающей субстанцию /например, повалило "падать /о снеге/" в русских гово-

рах/. Как правило, к собственно метеорологическим относятся глаголы, обладающие корневой морфемой с метеорологическим значением / "верн-, "жар- и т.п./.

Семантически близки к собственно метеорологическим глаголам слова категории состояния, обозначающие обычно теплую, холодную или пасмурную погоду /в значении "очень теплая погода, жара": знойко во владими́ро-поволжских, goraco в варминско-мазурских, жегаво повсеместно в болгарских говорах и др.; в значении "холодная погода": змеисто во владими́ро-поволжских, северно во владими́ро-поволжских и брянских, ядрено в полесских белорусских, ядрана в восточных белорусских говорах и др.; в значении "пасмурная погода": хмурно во владими́ро-поволжских, брянских и полесских белорусских, схмурно в малопольских и мазовецких говорах и др./ Реже слова категории состояния обладают другими лексическими значениями: "гололедица" /подледено в мизийских говорах/, "моросит" /моросьно в севернопольских говорах/, "редкие тучи, отсутствие туч на небе" /молодо в гуцульских говорах и, видно, вольно на Пскощине/, "сугроб" /навейно в мизийских и рупских говорах/.

Во второй главе рассматриваются аналитические наименования природных явлений. К ним в настоящей работе относятся наименования, представляющие собой устойчивые и свободные сочетания слов.

Среди устойчивых выражений можно выделить несколько групп по особенностям обозначения ими природных явлений.

Первую группу составляют устойчивые обороты, воспроизводящие в названии внешний облик или образ проявления природной силы. Так, в значении "облака, не предвещающие осадков" в малопольских говорах отмечены выражения kwasne mleko и sładze mleko, дождевая туча в кашубских говорах может называться rybe wszyde /чешуя рыбы/, а в севернопольских - kościol na niebie /костел на небе/; с образом неба связано обозначение молнии без грома в нижнедулицких говорах - niebo ze igrzycą /небо раздрается/. Характерный внешний вид явления служит мотивационной основой для названий снег, падающего крупными хлопьями: zupa kwiśo /зима цветет/ в нижнедулицких, kocie piśćie /кошачьи кулаки/ в мазовецких говорах и др.

Вторую группу устойчивых выражений составляют наименования,

в которых природная сила наделяется чертами, свойственными человеку: desъ gъereje /дождь глупеет/ "сильно лить /о дожде/" в кашубских говорах, дождь ноги свесил "состояние неба перед дождем" в севернопольских, снег домой пошел "таять /о весеннем снеге/" в южнопольских говорах. Кашубы, представляющие себе мороз в облике рогатого быка, живущего где-то в России, приписывают ряду природных сил черты облика именно этого мифологического существа: mroz skid sobe rogi /мороз скинул рога/ "ослабевать /о морозе/".

Третью группу устойчивых оборотов образуют те диалектные наименования, которые связывают проявление природных сил с деятельностью или атрибутами конкретных персонажей: бога, канонизированных или иных, наделенных сверхъестественной силой, лиц. Подобные названия представляют в сжатом виде народные поверья и картину мифологических воззрений на природу.

Ряд природных явлений может обозначаться в славянских говорах как результат непосредственного проявления божественной силы или атрибутов бога: боже слъози "солнечный дождь" в среднепольских, божа стежка "радуга" в среднепольских украинских говорах; в значении "раскаты грома": бог гнѣваеця в среднепольских украинских, Banbůh hněvá se в чешских говорах; boží batug "град" в кашубских говорах и др.

Частую проявление природных сил связывается в диалектных названиях с некоторыми христианскими святыми. Как правило, это св.Илья, св.Николай у восточных славян и св.Петр - у западных: Никола бородоу потрес "первый снег" в польских говорах, svęti Póter v nebe krępi igrutaje /св.Петр в небе крупу мелет/ "мелкий, сухой снег" в кашубских говорах.

В диалектных славянских названиях проявление природных сил может отождествляться и с различными персонажами народной мифологии: мифическими силами, непосредственно олицетворяющими природные явления, а также с inferнальными персонажами и представителями определенных национальностей: Mr zęvski jaxã na vojãe /Мрозевский ехал на войну/ "усиливаться /о морозе/" и Mrozęvski vrosi z vojãe /Мрозевский вернулся с войны/ "ослабевать /о морозе/" в кашубских говорах, вѣдњи бѣют "сверкать /о молнии без грома/" в покутских говорах, švedzi krępi na žarnach melo /шведы мелют крупу на жерновах/ "мелкий, сухой снег" в кашубских

говорах.

К разновидностям устойчивых выражений можно отнести сравнительные обороты. Под ними подразумеваются наименования типа дощ як стна "сильный, проливной дождь" в среднеподнепровских говорах, в которых объект природы обозначается за счет сравнения с другой реальией, обладающей характерным внешним видом или способом проявления.

Непосредственно некоему предмету природное явление уподобляется в следующих выражениях: дощ як мак "морозящий дождь" на польско-западнополесском пограничье, снэг як мухи в буковинских и śnieg by muchi в мазовецких говорах в значении "снег, падающий крупными хлопьями", vatr jak klin "сильный ветер" в кашубских говорах.

Зачастую обозначаемое явление сравнивается не с предметом непосредственно, а с определенным образом проявления, демонстрирующим интенсивность или объем. Большое количество сравнительных оборотов в исследуемых славянских говорах обладает значением "сильный, проливной дождь". При этом дождь называется по емкости, из которой он как бы выпадает или которую наполняет: лить как из ведра в русских, льць як з ведра в северо-западных и восточных белорусских, дощч лья як з ведра повсеместно в украинских, leje jak z cebra / ceber - "ведро" повсеместно в польских, desz pada jak z cebra в кашубских, дъжд като из ведро повсеместно в болгарских говорах. К этой группе названий относятся, кроме того, дождь на полные горшки в брянских, льць што ў каць в северо-западных белорусских говорах и др.

Важное место среди диалектных аналитических наименований природных явлений занимают свободные словосочетания. Можно говорить о различных функциях этих наименований, имея в виду характер выражения или денотата. В различных номинативных контекстах лексема открывает различные стороны образа, передаваемого ею. Например, мороз в особенно сильной форме его проявления может обозначаться в славянских говорах при помощи словосочетаний, в которых актуализируются различные его признаки: дикий мороз в ладого-тихвинских, цезолы мороз в полесских белорусских, пякушчы мароз в северо-западных белорусских, stari mroz в кашубских говорах и т.п. В таких случаях словосочетание не только эмоционально характеризует понятие, но и служит для обозначения его

определенной разновидности, то есть не просто мороза, а мороза с высокой степенью проявления. В этой функции словосочетания занимают очень важное место среди других номинативных единиц.

По отношению зависимого компонента словосочетания к метеолексике можно выделить три группы словосочетаний: словосочетания, у которых "метеорологическое" значение зависимого компонента является основным; словосочетания, у которых это значение является переносным; словосочетания, в которых зависимое слово вообще не обладает специальным, "метеорологическим" значением.

Словосочетания первого типа наиболее часто встречаются в обозначениях дождей. Одинаково распространены в восточно- и западнославянских говорах наименования этого вида осадков как чего-то льющегося, с использованием прилагательных, образованных от глагола liti: в значении "сильный, проливной дождь": заливний дождь в брянских и южнопоковских, заливний дощ в средне- и западнополесских украинских, среднеподнепровских, заливны дождж в полесских и северо-западных белорусских, zlewny deszcz повсеместно в польских говорах и др. Проливной дождь может быть представлен названиями, содержащими производные от глагола biti: забойний дождь в брянских и среднепоковских, забойны дождж в северо-западных белорусских, набитий дощ в буковинских говорах и др.

В ряде случаев зависимый компонент словосочетания, называющего природное явление, испытывает некоторую семантическую трансформацию. Так, в отдельных говорах проливной дождь может быть представлен буквально как щедрый, сочный: пачадзвы дождж в северо-западных белорусских, ясний дощ в бойковских и юго-восточных украинских, sytny dešť в чешских говорах. В славянских говорах зафиксированы также словосочетания, обозначающие определенное состояние атмосферы, оцениваемое говорящим как плохое или хорошее, и выражающие это значение при помощи прилагательных, имеющих положительную или отрицательную семантику, несколько суженную в рамках словосочетания. Это прежде всего некоторые обозначения ненастной погоды: непутная погода в брянских, неприятний ден /непристойный день/ в кашубских говорах; также можно отметить словосочетания мучительная погода "погода с грозами" в ладого-тихвинских, напрасний дощ "кратковременный дождь" в бойковских говорах и др.

в некоторых словосочетаниях обозначаемое природное явление предстает как нечто физически воздействующее на говорящего: ze-lazny śnieg "сухой, мелкий снег" в малопольских, ścirające wódro /щиплющая прогода/ "ненастная погода" в кашубских говорах.

Иногда природное явление в процессе наименования получает определения, приписываемые обычно самому человеку: в значении "проливной дождь": szальной дождь в ладого-тихвинских, упрямый дождь в бойновских, tvrdosíjny /упрямый/ dešť в чешских говорах; кроме того, самостоятельный дождь "взвешенный дождь" в южно-псковских говорах, скуный дождь "морозящий дождь" в степных говорах Украины и др.

Благодаря зависимому компоненту словосочетания природное явление может сравниваться с другой реальией: młynkowy wiatr /мельничный ветер/ "вихрь" в малопольских говорах, ніццаны дождж "дождь, падающий тонкими струйками" в северо-западных белорусских говорах.

Природные явления могут обозначаться также по смежности с другим явлением, сопутствующем обозначаемому, и по последствиям обозначаемого явления /в частности, по влиянию на хозяйственную жизнь людей/. К числу первых относятся некоторые названия дождя в солнечную погоду, например, радужный дождь в ладого-тихвинских говорах. Среди названий второго типа можно отметить пасеўны дождж "дождь в солнечную погоду" в северо-западных белорусских и жніўны дождж в том же значении в подольских говорах, жніўны вятэр "теплый слабый ветер" в буковинских и жтварския вятэр "летний ветер" в юго-западных болгарских говорах. Помимо положительного или отрицательного воздействия в словосочетаниях может выражаться и "бесплодие" природного явления: ялови хмари "тучи, не приносящие осадков" в западнорусских украинских говорах.

Среди обозначений природных явлений существует, кроме того, немало словосочетаний, в которых к метеолексике относится только грамматически главное слово. В роли зависимого компонента словосочетания выступает лексема, широко употребляемая в сочетании со словами из самых разных тематических групп. При этом зависимое слово употребляется в названии природного явления, как и в других словосочетаниях, в прямом значении. Примерами подобных наименований являются обозначения дождя, соответственно сильного, умеренного и слабого, в брянских говорах; большой дождь, сред-

ний дождь, маленький дождь. Особенно широко представлены подобные словосочетания в обозначениях общего состояния: атмосферы, например, в значении "ясная, солнечная погода": ражий день во владими́ро-пово́лжских, погода добра в средне- и западнопо́лесских украинских, во́льнских, подне́стровских, dobry čas в чешских и словацких говорах и др.

В третьей главе рассматриваются некоторые типы семантической мотивации в названиях природных явлений. К числу особых мотивационных тем можно отнести "животную", "цветовую", "национальную", "профессиональную" и некоторые другие. Говоря о мотивационной теме, мы имеем в виду группу названий некоторых реалий одного тематического класса, играющих особую роль в жизни людей и потому служащих для объяснения многих явлений /в том числе и природных/, а также для семантической мотивации названий этих явлений в языке.

К "животной" теме мы относим наименования, мотивированные названиями животных, птиц, рыб, насекомых.

Из домашних животных и птиц в названиях природных явлений чаще всего упоминаются следующие: баран, овца, агненок /агнешки снег "последний снег" в мизийских говорах, овца зме́го "снег с дождем" в кашубских говорах, овца "туча, предвещающая дождь" в силезских говорах и др./, бык, вол, коров /быки "светлые, не-дождевые облака" во владими́ро-пово́лжских говорах и др./, коза /ковидорога "оттепель" в украинских говорах Прикарпатья/, кот, кошка /котяча погода "мелкий, моросящий дождь" в во́льнских говорах и др./, осел /магарешки дъжд "дождь в солнечную погоду" в некоторых болгарских говорах/, а также конь, свинья, собака, гусь, курица.

Из диких животных и птиц, а также пресмыкающихся и насекомых в названиях природных явлений упоминаются следующие: золк /vilča pogoda "затяжной дождь" в кашубских говорах и др./, заяц, крот, лиса, медведь, мышь, птицы вообще, аист, воробей, дрозд, кукушка, ласточка, лунь, сова, стриж, рыбы вообще, ерш, осетр, змея вообще и уж в частности, комар, муха, божья.

В славянских диалектных названиях природных явлений зачастую используются наименования объектов растительного мира: губрак, гурачнина воблаки "кучевые облака" в полесских белорусских говорах, grzyb "дождевая туча" в мазовецких говорах, vrbkovi

/брюквенный/ dešć и brúkevňák в значении "молкий, морозящий дождь" в кашубских говорах, горох повсеместно в украинских и hrach в словацких говорах в значении "град" и др.

В названиях природных явлений в славянских диалектах широко используются слова с "цветовым" значением. Чаще других упоминаются такие цвета, как белый /белун "иней" в севернопольских, белы дождь "ливень" в ладого-тихвинских говорах и др./, красный /čer-veny dešt: "дождь в солнечную погоду" в чешских говорах и др. . черный /черняшка во владими́ро-половских, чорна в гуцульских говорах в значении "дождевая туча", черний вятър "южный ветер" в рупских и мизийских говорах и др./, серый /серая погода и šari žet в кашубских говорах в значении "пасмурная погода", šero "мороз" в нижнедунайских говорах и др./, а также синий, голубой, бурый и некоторые другие.

Поскольку в народном сознании представителю некоторых национальностей присущи особенные, нередко загадочные качества, названия этих национальностей используются для обозначения различных явлений, в том числе и природных. В собранном материале представлены следующие персонажи: цыгане /oiganyka žime "сильный мороз" в чешских говорах, цигански сняг "первый снег" в северо-западных болгарских говорах и др./, еврей/жидовски дождж "дождь в солнечную погоду" в полесских белорусских говорах/. Иногда упоминаются соседние народы: шведы /šveda "ветер с моря" в кашубских говорах и др./, немцы, поляки и др.

Природное явление в славянских говорах зачастую называется по аналогии с атрибутами и функциями человека. В таком случае метеоним оказывается семантически мотивированным названием лица, в том числе по их профессии или роду занятий. К числу профессий, разновидностей деятельности человека, упоминаемых в названиях природных явлений, относятся: пастух /owczak "дождевая туча" в силезских говорах и др./, чумак, чабан /чумацький дощ в поднестровских и чобанський дощ в буковинских говорах в значении "запоздненный дождь"/, а также некоторые другие.

В четвертой главе выявляются лексические взаимосвязи различных славянских говоров. Наименования, отмеченные в центральных и маргинальных языковых зонах Славии, можно распределить на четыре группы.

Первую из них образуют наименования, известные только в По-

лесье или связывающие полесские говоры с другими славянскими говорами. К полесским относятся следующие наименования: жары, дожд в полесских белорусских и жаркый дощ в зап. полесских украинских говорах в значении "сильный дождь"; рзак "наст" в средне- и западнополесских украинских и др. Из лексических параллелей, связывающих полесские говоры с соседними говорами, можно отметить верхолёд в полесских белорусских и верхолёд в волинских говорах в значении "гололедица"; кпичень в полесских белорусских и кипитень в среднеполесских украинских, среднеподнепровских, волинских, подольских в значении "сильный мороз"; моча "длительный дождь" в полесских украинских и восточных белорусских говорах; обливен "гололедица" в полесских украинских и брянских говорах и др. Из наименований, связывающих полесские говоры не только с пограничными, но и с более удаленными говорами, следует выделить те, которые встречаются, помимо Полесья, в севернорусских говорах: зазимок в полесских белорусских, полесских украинских, волинских и вазимок во владими́ро-новолжских говорах в значении "первый снег"; трескун в полесских украинских, среднеподнепровских и трескун в севернопсковских говорах в значении "сильный мороз"; навесь в полесских белорусских, навесь в полесских украинских, навесь во владими́ро-поволжских говорах в значении "первый снег". Некоторые изоглоссы связывают полесские говоры западнославянскими: труба в среднеполесских украинских и traba повсеместно в польских говорах в значении "вихрь"; моква в среднеполесских украинских, степных, среднеподнепровских, волинских, подольских, моква в малопольских, моква в кашубских говорах в значении "длительный дождь". В полесских, других украинских, западнославянских и южнорусских говорах отмечено название grisного дождя как "цыганского": цыганскі дожд в полесских белорусских, цыганський дощ в восточно- и среднеполесских украинских, карпатских украинских, цыганський дожд в брянских, čiganski dešť в моравских говорах.

Вторую группу составляют метеорологические наименования, отмеченные только в севернославянском ареале, включающем в себя севернорусские, белорусские /кроме полесских/ и лехитские говоры. Это названия сухого, мелкого снега: морозный снег в южнопсковских, mgólni śnieg в мазовецких, mgólni śnieg в кашубских говорах; иней: мороз в севернопсковских, mróz в нижнелужицких,

mgó повсеместно в польских, кроме мазовецких, говорах; сосулек: ledianki в среднепожовских и lodzianki в говорах северо-восточной Польши; сугроба: сувой в северо-западных белорусских и владими́ро-пово́лжских говорах.

Третью группу образуют изоглоссы, связывающие севернославянские говоры с вжнорусскими и украинскими /кроме полесских/. Общими для западнославянских, севернорусских, белорусских /кроме полесских/ и вжнорусских говоров являются названия воды, выступившей поверх льда во время оттепели: верховодка в брянских и ладо́го-тихви́нских, верхаводка в северо-западных и восточных белорусских говорах; инея: белый мороз в брянских, вжно- и среднепожовских, biały mgóz в мазовецких, báli mgóz в кашубских /кроме того, bily mgaz в чешских/ говорах; гололедицы: наледь в брянских и naledź в силезских говорах; теплого дождя: грибовик в брянских, владими́ро-пово́лжских и грябавик в северо-западных белорусских говорах. Среди западнославянско-украинских параллелей можно отметить названия оттепели как "мягкой" погоды: мнїкє веремне в буковинских, мняка погода в буковинских и закавказских, mitki cas в кашубских, notmekowate wєdro в нижнелужицких говорах; солнечной погоды как "чистой": чиста погода в бойковских, čiste vòdro в кашубских, custy cas в нижнелужицких говорах.

Четвертую группу составляют наименования, общие для вжнославянских и других славянских /кроме полесских/ говоров. С вжнорусскими и юго-западными украинскими вжнославянские говоры связывает обозначение теплого дождя: припарок в брянских, гуцульских, поднестровских и припарица в юго-западных болгарских говорах. Общими для вжно- и западнославянских говоров являются названия нетронутого снега: целец в мизийских, балканских, рупских, северо-западных болгарских, цалец в юго-западных болгарских, цијалац в сербскохорватских, celec в моравских говорах; сосульки: свещ во всех болгарских говорах, кроме северо-западных, awicea повсеместно в польских, swєca в кашубских говорах; замерзшей без снега земли: замръзляк в болгарских и zmarzłak в малопольских говорах. Вжно-, западнославянские и севернорусские говоры связывают обозначения молнии без грома: мълния в балканских, рупских, юго-западных болгарских, molno в кашубских и моланья в среднепожовских говорах; процесса выпадения сильного дождя: вали повсеместно в болгарских, valše в кашубских, ва-

литься во владими́ро-пово́лжских и среднепесковских говорах; процесс выпадения мелкого дождя: лети в балганских, родонских и франкийских, лесес в кашубских, lesieś в различных польских, лететь в средне- и севернопольских говорах.

В а к л ю ч е н и и формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Анализ собранного материала показал, что названия природных явлений - обширный пласт лексико-фразеологического фонда славянских говоров, причем диалектные названия природных явлений создают картину особого наглядно-образного видения окружающей действительности, взаимосвязи природных факторов.

В ходе исследования было отмечено, что в славянских говорах обозначения природных явлений представляют собой либо отдельные лексемы, либо аналитические наименования, то есть сочетания слов разной степени устойчивости.

Лексемы, обозначающие природные явления, демонстрируют различные принципы номинации. Однако, среди разнообразных принципов номинации можно отметить те, которые представляются в большей или меньшей степени общими для различных славянских говоров. К таким принципам следует отнести номинацию предметов и явлений по некоторым особенностям внешнего вида, формам и характеру протекания, а именно:

- по характерному действию, лежащему в основе явления /дистодёр "сильный ветер", перепрыски "мелкий дождь"/;

- по характерному месту проявления /забережина "незамёрзшее место водоёма около берега"/;

- по времени или длительности протекания /суточник, trzydniówka "длительный дождь"/;

- по воздействию природного явления на окружающую действительность /ржа "длительный дождь", грибник, грибнок "теплый дождь"/;

- по предвещаемому природному явлению /дждар "ветер, приносящий дождь"/;

- по физическому восприятию явления человеком /зъботраканица "сильный мороз"/;

- по характерному звуку, сопровождающему природное явление /трескун "сильный мороз"/;

- по внешнему виду явления /труба "вихрь", iskierki "мелкий,

сухой снег"/.

Среди обозначений природных явлений встречаются случаи опосредованной номинации. К ним можно отнести, например, некоторые названия затяжного дождя: неўрадиця в полесских украинских, bieda в малопольских, jad в кашубских говорах.

Периодически для обозначения природных явлений используется такое средство, как лексикализация формы множественного числа. Именно в этой форме лексема зачастую обладает "метеорологическим" значением, например, шипове "раскаты грома" в балканских говорах Болгарии /шип - "вертел, заостренный прут"/.

Иногда письменные источники представляют такую разновидность наименований, как существительное с приложением: дождь-сеногной "теплый дождь" во владими́ро-поволжских, мароз-пякун "сильный мороз" в восточных белорусских, калешмай-вещер "сильный ветер" в полесских белорусских говорах.

Специфическое явление именно для метеорологической лексики - использование глагола /например, вали "идти /о дожде/" в болгарских говорах/ и слов категории состояния /например, goraco "сильная жара" в варминско-мазурских говорах/.

Среди аналитических наименований выделяются устойчивые и свободные сочетания слов. В первых из них природные явления могут обозначаться за счет описания особенностей внешнего вида /siadke mleko "недождевые облака" в малопольских говорах/, персонификации /снег домой пошёл "таять /о весеннем снеге/" на Псковщине/ или указания на предполагаемую причину происхождения, а именно: связь с высшими или inferнальными силами /bozi batug "град" в кашубских говорах/. В свободных словосочетаниях грамматически зависимый компонент обычно указывает на видовой признак, причем "метеорологическое" значение у него может быть основным /забойстый дождь "ливень" / или переносным /мучительная погода "погода с грозами"/; в ряде случаев зависимое слово вообще не обладает специальным значением /мелкий дождь/.

Собранный материал показывает, что в некоторых случаях семантическая мотивация имеет особый характер. Специфические группы славянской метеолексики составляют наименования, мотивированные названиями животных /коровушки "маленькие тучи" во владими́ро-поволжских говорах/ и других живых существ, различных цветов /белый дождь "ливень" в ладого-тихвинских говорах/, некоторых нацио-

нальностей /жидоускі дождж "теплый дождь" в полесских белорусских говорах/ и др.

Некоторые наименования природных явлений известны не в одной, а в нескольких, соседних или удаленных друг от друга, языковых микроразонах. Подобные наименования образуют изоглоссы, связывающие центральные и маргинальные /например, сумёт "сугроб" в полесских, северо-западных и восточных белорусских, а также во владими́ро-поволжских говорах/ или только маргинальные зоны /например, мучник во владими́ро-поволжских и морсік в кашубских говорах в значении "морозящий дождь"/.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

1. Лексика народной метеорологии во владими́ро-поволжских и брянских говорах. //Севернорусские говоры. Вып.5. Л.: Изд-во ЛГУ.- 1969. С.79-88.
2. Из лексических взаимосвязей владими́ро-поволжских говоров с псковскими и брянскими говорами. // Тезисы докладов I-й конференции молодых ученых.- Ярославль: ЯПИ им.К.Д.Ушинского.- 1969. С.90-91.
3. Некоторые особенности обозначения природных явлений в диалектной русской лексике. //Лексический атлас русских народных говоров. Школа-семинар. Тезисы. Л.- 1990. С.14-15.
4. Славянские названия природных явлений в системе диалектного и литературного языков. //Тезисы докладов 2-й конференции молодых ученых.- Ярославль: ЯПИ им.К.Д.Ушинского.- 1991. С.28-29.
5. Образы диалектной славянской лексики /на материале названий природных явлений/. //Тезисы докладов 3-й конференции молодых ученых.- Ярославль: ЯПИ им.К.Д.Ушинского.- 1994. С.84-86.
6. Словосочетание как средство обозначения природных явлений в славянских языках. //Лексический атлас русских народных говоров. Мат-лы и исслед-я.- 1992. СПб.- 1994.
7. Сравнения и метафоры в славянской метеорологической лексике. //Лексический атлас русских народных говоров. Мат-лы и исслед-я.- 1993. СПб.- 1994.
8. Периферийные способы номинации в диалектной лексике. //X Всероссийское диалектологическое совещание "Лексический атлас русских народных говоров - 94". Тезисы докладов. СПб.- 1994. С.83-84

